

Эпилог

С того памятного дня мы с Ниной довольно быстро и, как мне казалось безболезненно, восстановили наши отношения. Переосмыслив происшедшее, стали лучше понимать друг друга, и сознательно строить свои отношения. Это были хорошие для нашего возраста годы, спокойные, без взаимных претензий и споров, без подозрений, ревности и раскаяний. Нина перестала так откровенно и эмоционально защищать свои политические взгляды, я – смущаться и трепетать при разговоре с любой симпатичной женщиной. Возможно Нину, в конце концов, убедили происходящие в стране события, однако не исключено, что она просто не хотела вновь обострять наши отношения. Меня, – опустошил ураган чувств и переживаний, чуть не разрушивший нашу семью.

Теперь на юг мы ездили только вдвоем и могли больше внимания уделять друг другу. Однажды я сделал даже попытку реализовать свою давнюю мечту, пожить вдвоем с Ниной в палатке, в какой-нибудь лесной расщелине на берегу моря, засыпая под шорох накатывающихся волн и принося ей по утрам букетики лесных цветов. К сожалению, реализовать эту мечту мне не удалось. Слишком много людей мечтало о том же, а пригодных для этого мест было на удивление мало. Так, что пришлось вновь устраиваться у Офляянов. Однако букетики по утрам я приносил, и это умиляло не только Нину, но и меня самого.

Однажды, возвращаясь с юга, заехали в Саратов, что бы посетить места, в которых прошли мои детские годы. Побывать на могилах родных я не мог, так как на месте старого католического кладбища были воздвигнуты кварталы многоэтажных домов. Осталось только посетить наш старый дом и дачу. Когда подошли к Первомайской улице, на которой наша семья жила в те годы, сердце учащено забилось. Шёл, приглядываясь к постройкам и номерам домов. Вот он, номер 151, на многие годы запечатленный в моей памяти. Неужели этот небольшой, обложенный кирпичом флигель с четырьмя выходящими во двор окнами был тем, казавшимся мне таким большим, домом, в котором прошли лучшие годы моей жизни. Как в нём могли помещаться наши новогодние ёлки. И куда девался фонарь над столовой, и клёны во дворе, на одном из которых когда-то висели мои качели. В дом нас с Ниной пустили с большой неохотой, считая, по-видимому, что мы хотим вернуть утраченную в прошлом собственность. Внутренность дома разочаровала еще больше чем его внешний

облик. Фонарь в потолке столовой закрыт, а в стене пробито окно, что в корне изменило весь облик столовой, лишив его запечатлевшейся в моей памяти таинственности. Я ожидал захватывающие дух детские воспоминания, но ничего этого не было. Опустошённый, вернулся я на квартиру, и Нина с беспокойством и растерянностью наблюдала за мной.

На другой день поехали трамваем туда, где некогда был наш сад, райский уголок в безумном мире. Увиденное разочаровало ещё больше чем то, с чем я столкнулся при посещении дома. От живой изгороди, образуемой кленами, вязами и каким-то колючим кустарником, в которой мы с Лялей любили бродить, собирая грибы, остался только один угол, через пролом в котором мы когда-то, сокращая путь, бегали встречать отца. Теперь весь сад был поделен на маленькие, по 4-5 соток, участки, обнесенные штакетником, на которых маячили, похожие на улы, дачки. На участках одни только грядки, и ни одного фруктового дерева. Видеть это было тяжело. Все подчеркивало тленность быстротекущей жизни и ненадежность человеческой цивилизации. Нине трудно было понять мои переживания, ведь она никогда не видела нашего сада.

Осенью, после возвращения с юга, в свободное от работы время, мы с Ниной часто прогуливались по набережной Енисея или в окрестностях Университета, недавно возведенного в районе сопки. Посещать городской парк не любил, – не угасшие полностью воспоминания сжимали сердце. Дома к тому времени все успокоилось, и ничто не предвещало беды.

И вдруг резко ухудшилось Нинино здоровье. Диагноз прозвучал как приговор: интерсолярная опухоль мозга. Я и дети, сменяя друг друга дежурили у постели больной. Иногда казалось, что наступает улучшение. Но судьба была неумолима. В 10 часов 15 минут 19 декабря 1988 года Нины не стало. Я остался один. Конечно, были дети, были внуки. Хорошие дети, хорошие внуки. Но у них свои семьи, свои проблемы. Терзала мысль, что мое безрассудное поведение могло ускорить печальный конец.

Меня же последние годы все чаще охватывает чувство одиночества. Тупая саднящая боль. Нет, я не предаюсь бесплодным переживаниям. Читаю лекции, пишу книги. Участвуя в различных конференциях, посетил не один десяток российских городов, как могу, помогаю детям, занимаюсь с внуками. Конечно же я переживал и переживаю за происходящие в стране события. В инсти-

туте, на факультете и кафедре ко мне относятся хорошо. Не дают почувствовать, что я чужой, немец.

Как правило, чувство одиночества возникает неожиданно. Часто это случается в конце рабочего дня, когда собираясь домой, вдруг с болю в душе осознаю, что спешить мне некуда, что никто особенно и не ждет меня там. Иногда оно возникает в дни знаменательных для нашей семьи событий, рождения внуков и правнуков, свадеб, успешной защиты членами семьи диссертаций, присвоения им очередных ученых званий. В такие минуты остро чувствую отсутствие Нины, которая всегда так искренно и открыто, радовалась этим событиям. Но не подумайте, что я обделён вниманием своих детей.

Просто такова участь почти всех, кто слишком долго задерживается в этой жизни.